

КОНТИНГЕНТНОСТЬ И МЕТАСТАБИЛЬНОСТЬ КАК КОНЦЕПТЫ САМООРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА¹

В. О. Саяпин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.

Аннотация: рассматриваются такие понятия, как «контингентность» и «метастабильность», которые наглядно себя проявляют в социально-коммуникативной самоорганизации (аутопойесисе) современного сетевого социума. С опорой на теоретико-методологические позиции Н. Лумана, Т. Парсонса, М. Кастельса, У. Матураны, Ф. Варелы, Ж. Симондона и других автор предлагает детальное описание контингентных и метастабильных состояний, происходящих в рекурсивных процессах саморазвивающихся технически опосредованных социально-коммуникативных системах. В результате в рамках подобной познающей междисциплинарной социально-философской конвергенции установлено, что концепты контингентности и метастабильности определяют себя основополагающими механизмами аутопойесиса не только в «системах сознаний» познающих социальных субъектов и постоянно функционирующих техносоциальных коммуникациях, но и в самой становящейся метасистеме сетевого социума.

Ключевые слова: сетевой социум, контингентность, метастабильность, трансдуктивное отношение, аутопойесис, рекурсия, структурное сопряжение, техносоциальная коммуникация, система сознания.

Abstract: it examines such concepts as «contingency» and «metastability», which clearly manifest themselves in the socio-communicative self-organization (autopoiesis) of modern network society. Based on the theoretical and methodological positions of N. Luhmann, T. Parsons, M. Castells, U. Maturana, F. Varela, J. Simondon and others, the author offers a detailed description of contingent and metastable states occurring in recursive processes of self-developing technically mediated social and communication systems. As a result, within the framework of such a cognitive interdisciplinary socio-philosophical convergence, it has been established that the concepts of contingency and metastability define themselves as fundamental mechanisms of autopoiesis not only in the “systems of consciousness” of cognizing social subjects and constantly functioning technosocial communications, but also in the emerging metasystem of network society itself.

Key words: network society, contingency, metastability, transductive relationship, autopoiesis, recursion, structural coupling, technosocial communication, system of consciousness.

Формирующиеся и динамично развивающиеся в первой четверти XXI столетия, технически опосредованные сетевыми «машинными интерфейсами», коммуникации становятся смыслом новой социальной реальности. Сегодня коммуникативная, метастабильная и непредсказуемая социальная реальность всё больше такова, как ее представляют новейшие компьютерные технологии, технологии сети Интернет и технологии искусственного интеллекта. Многим современным социальным философам, социологам, цифровым инженерам, биологам и т. д. становится понятно, что осмысление нынешнего социума неразрывно связано с поиском адекватной «теории сложности» в оценке и описании происходящих событий.

В настоящее время мы можем наблюдать множество новых направлений в исследовании сложных саморазвивающихся социально-коммуникативных систем, которые, заимствуя или конструируя новые

инновационные понятия, бросают вызов «консервативным» моделям социальных систем. К таким научным направлениям социального исследования можно отнести: «функциональную (системную) дифференциацию» Н. Лумана [1], «рекурсивный процесс аутопойесиса» У. Матураны и Ф. Варелы [2; 3], «эмерджентную реальность» К. Л. Моргана [4], «социологию техники» В. Фрике [5], «психическую и коллективную индивидуацию» Ж. Симондона [6] и т. д. Эти исследования, по существу, продолжают логику междисциплинарных социальных изысканий, которая была связана с предыдущими исследованиями: синергетикой, нелинейной динамикой, системным анализом и сетевой теорией. Более того, все эти вышеупомянутые инновационные идеи формируют особенные теоретико-методологические рамки становящегося, коммуникативного, метастабильного и сетевого социума в противовес теориям социума, имеющего облик статичного социального бытия. Как считает современный социальный исследователь Хельга Новотны, в рамках существования нынешнего становящегося

¹ Здесь мы под концептами понимаем инновационные идеи, содержащие в себе созидательные смыслы.

© Саяпин В. О., 2024

социума уходят в прошлое стойкая вера в плановость в социуме и предсказуемость в науке. Остается также в отдаленном прошлом: «...вера в простые причинно-следственные отношения, часто воплощающие неявное допущение о лежащей в их основе линейности; на их место приходит подтверждение того, что многие – возможно, большинство – отношения являются нелинейными и подчиняются неким изменяющимся паттернам непредсказуемости» [7, р. 16].

Несомненно, нынешний сетевой социум – это не просто созидательная и становящаяся социальная система, а всеобъемлющая сетевая метасистема, которая охватывает остальные социальные (функциональные) подсистемы, как: «...горизонт всех возможных коммуникаций» [8, с. 133]. Другими словами, эта сетевая социально-коммуникативная метасистема (от др.-греч. σύνστημα – «составленное; составление») является масштабной системой сетевого социума, более обширной, чем любая другая социальная (функциональная) система. Кроме того, в этой динамично развивающейся метасистеме все функциональные и социальные системы позиционируют себя как самостоятельные (автономные) составные части. Необходимо обратить внимание, что важнейшая сущность понятия «метасистемы» – «становящаяся система», которая в отличие от неких ставших систем позволяет исследователю системно осмысливать динамику происхождения, становления и развития сетевого социума.

Следует подчеркнуть, что социальные или функциональные системы сетевого социума и их окружающие внешние среды («системы сознаний» или, по-другому, психические системы), по социальному философу и социологу Н. Луману, – всегда находятся в когнитивном диссонансе; они присутствуют в разных рекурсивных мирах восприятия [9]. Одни оперируют на базисе мышления, другие – с опорой на техносотциальную коммуникацию. Например, любая функциональная система сетевого социума развивается на основе рекурсивного процесса, в котором участвует множество собственных автономных технически опосредованных коммуникаций. В этом случае техносотциальные коммуникации в ходе своих внутрисистемных операций самопроизводят более сложные структуры, а эти структуры способствуют более сложным подобным аутопойетическим операциям и т. д. Элементарный акт такого рекурсивного процесса становления сложной структуры выглядит следующим образом: при восприятии техносотциальной коммуникацией сигнала из окружающей внешней среды происходит завершение ее текущих операций, которое подготавливает следующие подобные операции, а завершение следующих операций обуславливает последующие операции и так до бесконечности².

² Рекурсивность – распространенный термин, используемый еще в XVII в. Г. Лейбницем для обозначения последова-

Более того, техносотциальные коммуникации создают такие структуры, которые могли использовать не только другие подобные функциональные системы, но и социум в целом [1; 9].

Таким образом, именно такие, опосредованные сетевыми «машинными интерфейсами», коммуникации тотально пронизывают все стороны нашей сегодняшней жизни. Другими словами, в рамках сетевого социума техносотциальные коммуникации посредством собственных операций реализуют себя через сети Интернета и другие сетевые телекоммуникационные технологии [10]. Кроме того, в сетевом социуме техносотциальные коммуникации являются эмерджентными реальностями³. Подобно живым организмам они рекурсивно самовоспроизводят себя и самостоятельно выстраивают собственные инновационные элементы и структуры из самих же себя.

Очевидно, что все события, происходящие в техносотциальных коммуникациях, не обладают собственной длительностью, моментальны и смыкаются в сложные системы. Преимущество в восприятии этих событий остается за «системами сознаний» социальных субъектов, чьи познающие способности, интересы, деятельность и системы отношений пребывают в процессе непрерывного становления.

Так, с опорой на теоретические концепты французского философа Ж. Симондона⁴ можно отметить, что важную роль в процессах становления этих познающих типов субъектов социальной активности (в понимании Ж. Симондона – «психосотциальных личностей» или «индивидуаций»⁵) играют переходные метастабильные состояния, которые могут лишь

тельность алгоритмических процедур (или лейбницевского понятия организма), когда конец предшествующей операции становится началом последующей («монизм монад и рекурсивность зеркал»). Однако во второй половине XX в. в работах У. Варелы, Ф. Матураны, Х. фон Ферстера, Э. Морена, Н. Лумана и др. рекурсия стала представляться своеобразным операциональным драйвером эволюции – биологической, техносотциальной, коммуникативной.

³ Понятие эмерджентного качества было впервые опубликовано у английского биолога и философа Конви Ллойда Моргана (1852–1936), который рассуждает в своей эмерджентной космологии о связанности вещей и событий, которая полностью достигается во всех системах, как о встроенной связанности. Естественные объекты не только имеют новые качества в пределах их собственного существования, но также обладают новыми эмерджентными свойствами по отношению к другим объектам. Объекты на высших уровнях мироздания качественно отличаются, действуют и реагируют по-другому, чем объекты на низших уровнях [11, р. 22].

⁴ Жильбер Симондон (1924–1989), великий французский философ и мыслитель в области техники и технологических новшеств, был (повторно) открыт теоретиками цифровых технологий с 2010 г., особенно в Соединенных Штатах.

⁵ По Симондону, становление, эволюция, индивидуация в живом не прекращаются и человек есть индивидуация [6, с. 10].

рождаться в до-индивидуальной реальности⁶, содержащейся в этих индивидуализирующих индивидах. Он пишет: «...вся активность живого, в отличие от активности физического индивида, не концентрируется на своем пределе; в ней существует более полный режим внутреннего резонанса, требующий постоянной коммуникации, а теперь и метастабильности, что является условием жизни» [6, с. 34]. Из этого следует, что до-индивидуальное, содержащееся в человеке, всегда обладает неким реальным потенциалом, который нельзя свести ни к возможному, ни к виртуальному. Доиндивидуальная реальность – это подлинная реальность, заряженная потенциалами, актуально существующими как потенциалы, т. е. как энергия метастабильной системы⁷. При этом, как считает Симондон, «понятие виртуальности должно быть заменено понятием метастабильности системы» [там же, с. 233].

В этом случае активность становления и эволюция индивидуализирующего индивида, считает Симондон, – это некое поле или диада (или «неопределенная двойка» – понятие, взятое у Платона⁸) и она есть: «... трансдуктивное отношение, подобное отношению добра и зла (которое является неким полем), само вписано в трансдуктивное отношение особого типа (и открывающего другое поле)... <...> Диада – не просто трансдуктивное отношение в том смысле, что ее «термины» сами по себе неопределенны и, следовательно, бесконечны (и неопределимы). Они стремятся к бесконечности. <...> Именно в таком поле формируется и трансформируется индивид, который – как процесс психической индивидуации, сочетающийся с коллективной индивидуацией, но отличающийся от нее, где он индивидуализируется психически

⁶ Индивидуация должна пониматься исходя из предшествующего ей до-индивидуального поля – метастабильного состояния или некоего хаотичного состояния, возникающего на каждом этапе становления и заключающего в себе пучок возможностей для последующей индивидуации. Метастабильное состояние делает возможной каждую индивидуацию. Хотя эта метастабильность может существовать и в процессе индивидуации.

⁷ Здесь Симондон следует за французским физиком, лауреатом Нобелевской премии Луи де Бройлем, у которого потенциал, понимаемый как потенциальная энергия, реален, потому что он выражает реальность метастабильного состояния и его энергетическую ситуацию.

⁸ В своем «неписанном учении» Платон говорит, поскольку это двойка, она содержит в себе самой множество и малость (πλήθος καὶ ὀλιγότη-τα), множество – поскольку в ней есть двойное (ведь двойное – это и множество, и избыток, и некоторая величина), малость – поскольку в ней есть половина. Согласно этому рассуждению, в ней есть избыток и недостаток, большое и малое. Это единое, а также большое и малое суть начала двойки, и он называл ее неопределенной двойкой, потому что она, будучи причастной большому и малому, или же большему и меньшему, содержит в себе больше (τὸ μᾶλλον) и меньше (τὸ ττοῦ) [12, с. 11–24].

как по праву, так и по факту, – становится центром и в этом смысле средой такого отношения, при чем в качестве его дизъюнктивной конъюнкции» [6, с. 10].

Таким образом, симондонская теория экспликации активности становления психосоциальной личности⁹ «... постулирует, что я могу индивидуализировать себя психически, только участвуя в коллективной индивидуации, – тогда как любая эволюция коллективной индивидуации, в свою очередь влияет на условия моей психической индивидуации» [там же, с. 10–11]. В сетевом социуме отношения между социальным субъектом (познающим индивидом) и техносциальной коммуникацией складываются в форме трансдуктивных отношений или «отношения/отношений». Это когда в этом познающем индивиде не только есть внутреннее отношение между его «Я» и его собственным «другим Я», но и когда это его «другое Я»¹⁰ стремится к отношениям с внешним «Другим», а именно с техносциальной коммуникацией.

Следовательно, социальные субъекты (или психосоциальные личности) – это познающие индивиды, которые благодаря активным трансдуктивным отношениям наделяются способностью: успешно воспринимать, оказывать влияние, создавать и презентовать эту новую социальную реальность современного социума. С точки зрения Симондона, такое трансдуктивное отношение – это не только обобщенная модель познания, но и биологическая, физическая, умственная или социальная активность системы индивидуации сущностей. В связи с этим подобная трансдукция всегда совпадает с эмерджентной реальностью и «...рассматривается только как онтогенетическая¹¹, как операция полноценного сущего» [там же, с. 30]. Именно в этом случае, по мнению Симондона, до-индивидуальное в познающем индивиде индивидуализируется, становится ментальной операцией (операцией индивидуации) или движением «системы сознания», на пути к открытию нового¹².

⁹ Согласно Симондону, психическая индивидуация может полностью разрешиться только через переход к психосоциальной индивидуации. Вот почему психическая индивидуация – это всего лишь «переходный путь» между витальной (жизненной) индивидуацией и психосоциальной индивидуацией; это, прежде всего индивидуализация, а не истинная индивидуация. Истинной индивидуацией Симондон считает психосоциальную индивидуацию.

¹⁰ В сетевом социуме познающий социальный субъект всегда позиционирует себя в форме «другого Я».

¹¹ Онтогенетическая изменчивость – изменчивость, отражающая реализацию закономерных изменений в ходе индивидуального развития организма человека.

¹² Как считает Симондон, системой трансдукции являются не только социальные, но и физические, биологические и психические индивиды. Кроме того, не будучи ни чистым объектом, ни чистым субъектом, каждый индивид в своем кажущемся тождестве раскрывается, как театр индивидуаций,

Рассматривая новую социальную реальность нынешнего технически опосредованного коммуникативного и сетевого социума в рекурсивно-контингентной и метастабильной логики, мы задаемся следующим вопросом. А какую же роль в этой познающей модели играют концепты контингентности и метастабильности? Представляется, что ответ на этот вопрос имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое значение, так как в процессе экспликации этих концептов могут вырабатываться альтернативные сценарии общественного развития.

Рассуждая о значимости понятий контингентности и метастабильности, мы вслед за Луманом в который раз повторяем что техносоциальная коммуникация и сетевой социум в современности таковы, как их организует внутрисистемный, безостановочный, циркуляционный (рекурсивный) процесс самих коммуникаций.

Итак, во-первых, элементарные и технически опосредованные социально-коммуникативные системы – техносоциальные коммуникации, являются событиями и зависят от контекста их прохождения в рекурсивной внутрисистемной сети таких коммуникаций.

Во-вторых, в рамках этих единых и неделимых актов техносоциальных коммуникаций, состоящих из информации, сообщения и понимания (или рекурсивных повторов операций), всегда происходит не просто передача информации, а перераспределение «знания/незнания» [13, с. 113–114].

В-третьих, техносоциальная коммуникация всегда дифференцируется только относительно собственной окружающей внешней среды (от «системы сознания»), которая при этом может включать и другие социально-коммуникативные системы (другие психические и социальные системы). Однако границы этой техносоциальной коммуникации не позволяют увидеть ей эти другие системы, и они являются для нее слепым пятном.

В-четвертых, операциональная замкнутость не отделяет совершенно техносоциальную коммуникацию от ее окружающей внешней среды (от «систем сознаний»). Отсюда следует, что техносоциальная коммуникация и «система сознания» всегда создают между собой подвижную и прозрачную границу. Разделяя эту элементарную и технически опосредованную социально-коммуникативную систему и «систему сознания» между собой, такая пограничная линия на базе структурного сопряжения (или в понимании Ж. Симондона – «на базе трансдуктивного отношения») налаживает их активное становление, сосуществование, и их взаимные отношения. При этом техносоциальная коммуникация не только ведет

где пересекаются разрешающие напряжения доиндивидуального поля, формирующего социальную реальность [6].

самонаблюдение и самоописание, но и в этом своем описании системно воспроизводит и усложняет саму себя.

В-пятых, обладая динамизмом, процессуальностью и инвариантностью своих операций, техносоциальная коммуникация всегда испытывает социального субъекта, бросает ему вызов, но и этот активный субъект, живя и развиваясь, оказывает на нее также влияние. В связи с этим трансдуктивные отношения между «системой сознания» социального субъекта и техносоциальной коммуникацией всегда находятся в операциональной когерентности (согласованности) и некоем обоюдном восприятии. Такое восприятие в дальнейшем позволяет им отвечать друг другу собственными внутрисистемными импульсивными раздражениями, и поэтому такое положение дел можно обозначить единым понятием, а именно – они находятся в структурном сопряжении [3, р. 95].

В-шестых, рекурсия – это безостановочный циркуляционный процесс, конечный или промежуточный результат которого снова запускает аутопоисекс с его начального состояния. Более того, в процессе углубления рекурсивных операций (или уровней вложений), в техносоциальной коммуникации первостепенную роль начинает играть не первоначальная или конечная операция, а ее промежуточные операции. Эти промежуточные (срединные) [14, с. 48] и метастабильные «образцы разнообразия технически однообразного» и создают для этой элементарной социально-коммуникативной системы собственное новое темпоральное, контингентное и эмерджентное начало к дальнейшему эволюционному развитию. Техносоциальная коммуникация – это подлинный социальный феномен, который на основе собственного рекурсивного процесса – важнейшего эволюционного закона для психических и социальных систем, выстраивает и трансформирует себя как технически опосредованную социально-коммуникативную систему [15, р. 325].

Таким образом, возвращаясь к оценке той невероятной роли, какую играет концепт контингентности в самоорганизации рекурсивного процесса в технически опосредованной коммуникации, можно обозначить следующее.

Итак, эволюционное становление и развитие техносоциальных коммуникаций в сетевом социуме всегда обусловлены их внутрисистемной двойной контингентностью (непредсказуемой ситуативностью). Здесь контингентность, предопределяя рекурсивный процесс, указывает на отсутствие достаточного основания: «всё может быть и иначе» или «возможно, но не необходимо». Иначе говоря, всё то, что происходит в рекурсивных процессах техносоциальных коммуникаций, совершается, как операциональный рекурсивный поток их собственных внутрисис-

стемных изменений. При этом контингентность позволяет подобным технически опосредованным коммуникациям в рамках рекурсивных операций наращивать свою внутреннюю динамику [3, р. 93]. Чтобы наблюдать коммуникацию, необходимо провести двойное контингентное внутрисистемное различие, или, по-другому, провести различие, которое составляет различие¹³. Из этого следует, что в процессе удвоения контингентности специфика понятия «двойственности» определяется как некая ситуация наложения. При этом подобная встреча таких вероятностей и способствует началу нового на каждой промежуточной операции рекурсивного процесса или, по-другому, рождению нового в техносотциальной коммуникации.

Необходимо подчеркнуть, что подробно, с опорой на Т. Парсонса, феномен «двойной контингентности» как важнейшего маркера социального порядка в социальной системе рассматривал в своей системной теории Н. Луман [17, р. 15]. Он утверждал, что в центре любой социальной системы, интеракции, коммуникации или социума в целом наблюдаются эмпирические парадоксы – слепые пятна, которые делают различие и наблюдение наблюдаемыми. По мнению Лумана, социальный порядок в этих социальных системах всегда уже существует, и потому его проблема уже решена. Однако одновременно с этим этот социальный порядок невозможен, поскольку «поведение» в рекурсивной цепи двух примыкающих друг к другу коммуникаций – «Я» и «Другая» всегда ситуативно и зависит от непредсказуемых ответов друг другу, любая из них в любой момент времени может согласиться или отказаться составить сцепку. Как считает Луман, открытость для нового самонаблюдения основывается на том же условии, что и закрытость, а именно двойной контингентности – «Я» познает «Другую» как «Другая» «Я». В этом случае «Я» и «Другая» делают то, что хочет другая, если другая делает то, что хочет первая. Отношение между двумя коммуникациями определяется тем, что поведение любой из них полностью зависит от их собственных самореферентных операций.

Кроме того, коммуникации «Я» и «Другая» не могут свои действия ориентировать на основе будущего поведения друг друга, еще менее вероятно, что они могут узнать ожидания другой. Пока нет принципиального понимания по структуре социального порядка, невозможны ожидания, невозможно предсказать поведение другой, и невозможна коммуника-

ция. Поэтому удвоение контингентности является не только неопределимой, но и нестабильной и невыносимой [18, с. 175]. Такая эмпирическая перспектива позволяет предположить заинтересованность как в отрицании этой негативности, так и в ее утверждении. По мнению Лумана, в понятиях общей теории систем такое состояние осмысливается как «динамическое состояние условной готовности» [19, р. 3–25]. Иначе говоря, социальная система постоянно находится в состоянии динамического ожидания и это позволяет ей использовать почти любую непредсказуемую ситуативность в дальнейшем развитии ее структуры.

Очевидно, что Луман, в отличие от Парсонса¹⁴, в экспликации двойной контингентности стремился сохранить ее позитивные аспекты. Если у Парсонса стабилизация взаимных ожиданий происходит в результате социального консенсуса, интериоризации норм и ценностей, то он в своей системной теории возвращается к модальностям Аристотеля. То есть понятие «контингентное» Луман не истолковывает как «необходимое», «не необходимое» и «то, что может быть». Он просто определяет «контингентное» как «возможное», как горизонт возможных вариаций. Другими словами, Луман превращает двойную контингентность – эту непредсказуемую ситуативность в то, что позволяет коммуникации увеличивать свою внутрисистемную динамику. В этом случае селективный процесс другой коммуникации невидим, «Я» видит лишь результат селекции «Другой». «Я» или «Другая» стремятся оказать воздействие на наблюдаемое, и это порождает новую коммуникацию. Удвоение контингентности является по определению социальным понятием, поскольку возникают две различные перспективы. Таким образом, взаимные наблюдения коммуникаций, занимающих позиции наблюдателей по отношению друг к другу и порождают социальный порядок. «Система возникает, *etsi non daretur Deus*»¹⁵.

Таким образом, контингентность в самоорганизации рекурсивного процесса, как в сетевом социуме, так и в техносотциальной коммуникации позволяет этим социальным системам наращивать свою внутрисистемную динамику. Кроме того, если рекурсия для всех подобных эмерджентных (аутопойетических) систем является общим эволюционным законом, то контингентность также является таким законом. Более того, рекурсивная смысловая операция в

¹³ Этот эффект «различение/различения» возникает вследствие того, что исходное различие между коммуникациями и «системой сознания», а в дальнейшем коммуникация может повторно применять его к себе. Это повторное возвращение, Луман обозначил понятием «re-entry». Речь идет о повторном вхождении различия в то, что в себе различено [16, с. 49].

¹⁴ Понятие двойной контингентности в социально-философскую теорию ввел Т. Парсонс. Этим понятием он объяснял взаимодействие участников коммуникации: одна сторона выбирает альтернативу из числа имеющихся, реакция же второй стороны определится как выбором первой, так и собственным выбором [20, с. 436–437].

¹⁵ Даже если бы не было Бога (лат.) [18, с. 154].

любой эмерджентной системе (сетевом социуме, техносоциальной коммуникации или «системе сознания») всегда интегрирует контингентность в свое собственное функционирование и тем самым порождает ситуативность смыслов. Контингентность, актуализируясь на каждой последующей (промежуточной) операции коммуникативного примыкания рекурсивной петли, придает этому смысловому процессу возможность становления нового в очередном ментальном цикле.

Другим концептом, который играет, на наш взгляд, важную роль в рекурсивном становлении и развитии техносоциальной коммуникации, является метастабильность. Рекурсивная метастабильная самоорганизация техносоциальной коммуникации – это безостановочный циркуляционный процесс, где промежуточный результат этой рекурсии, не доходя до окончательного стабильного состояния, снова запускает аутопойесис с его начального состояния. В связи с этим главная задача рекурсивно переплетенных эмерджентных операций техносоциальной коммуникации – это не только усиление обратной связи для генерации собственных структур из себя самой, но и преодоление эволюционного порога, или, по-другому, осуществление разрешимости метастабильного состояния. Отсюда мы, вслед за Ж. Симондоном, считаем, что биологические, психические, социальные и физические индивиды «... пребывают в процессе непрерывного становления, где важное место занимают переходные метастабильные состояния» [21, с. 114]. Более того, в такой метастабильной социальной реальности «... психическому индивиду больше не предоставляется никаких привилегий: социальные индивиды – ни больше и ни меньше индивиды, чем физические лица» [6, с. 16].

Становление и развитие техносоциальной коммуникации как социального индивида (в терминах Ж. Симондона) предполагают в процессе рекурсии его постоянное колебание между стабильностью и нестабильностью. Техносоциальная коммуникация социально индивидуируется через стадии индивидуации, где метастабильные неустойчивые равновесия ее операций всегда сцеплены между собой на пределе дисбаланса. В связи с этим, например, метастабильное состояние физического индивида можно представить как состояние переохлаждения или сверхнасыщения, преобладающее в генезисе кристаллов. При этом в дальнейшем структурное упорядочение или распад метастабильных кристаллических фаз таких состояний может происходить очень медленно. «Природные стекла и минералы, – пишет естествоиспытатель Р. Н. Соболев, – в метастабильном состоянии могут существовать миллионы лет» [22, с. 83]. Однако самоорганизацией кристаллизации не исчерпывается реальность физиче-

ской индивидуации, она находит свое подтверждение и в квантовой физике¹⁶.

Очевидно, что метастабильное состояние физического индивида – это состояние неполного или неустойчивого равновесия его физической системы, в котором эта система может находиться длительное время. Отсюда можно предположить, что реальность рекурсивного процесса техносоциальной коммуникации – социального индивида, подобно квантовому скачку в том смысле, что переход от одной рекурсивной промежуточной операции к другой, ведет к усложнению структуры этой коммуникации, т. е. к внутреннему резонансу, непредсказуемой ситуативности, или, по-другому, к метастабильному состоянию. При этом следующая операция рекурсивного процесса по преодолению очередного эволюционного порога (разрешимости метастабильного состояния) состоится только тогда, когда будут выполнены дополнительные: информационные, технологические или энергетические условия.

Однако для преодоления такого порога в техносоциальной коммуникации или в индивидуации социального индивида (где каждая операция и каждое отношение внутри операции – это индивидуация), информатизма, механизма или энергетизма явно недостаточно [6, с. 33]. В этом случае еще, утверждает Симондон, необходимо некое опосредование – трансдуктивная операция или индивидуация в прогрессе [21, с. 115]. «Такая индивидуация, пишет Симондон, – не встреча формы и предшествующей материи, существующих как отдельные, ранее конституированные термины, а разрешимость, возникшая в метастабильной системе богатой потенциалами: форма, материя и энергия уже существуют в системе. Ни формы, ни материи недостаточно¹⁷. Подлинный принцип индивидуации – опосредование обычно предполагающее изначальную двойственность порядков величины и изначальное отсутствие интерактивной коммуникации между ними, а затем коммуникацию между порядками величины и стабилизацию» [6, с. 34]. Стало быть, понятие метастабильности – это понятие, выступающее противовесом понятию равновесия, которое мы встречаем в гомеостате У. Р. Эшби, поскольку гомеостат определен

¹⁶ В квантовой физике метастабильное состояние (от греч. *μετα* «через» и лат. *stabilis* «устойчивый») – состояние квазиустойчивого равновесия физической системы, в котором система может находиться длительное время [23].

¹⁷ Здесь Симондон подвергает критике дуальность гиломорфизма. Гиломорфизм (от греч. *ἵλη* – вещество, материя и *μορφή* – форма) – центральное понятие учения Аристотеля о материи и форме, используемое для обозначения концепции космогенеза, согласно которой исходный пассивный субстрат (первичная материя) оформляется активной субстанцией (субстанциальной формой). Термин окончательно вошел в философскую литературу в XIX в.

поиском равновесия, являющегося, по Симондону, тупиком индивидуации, то есть смертью. При этом жизнь для Симондона является «вечной индивидуацией», поскольку она представляет собой непрерывный генезис.

Таким образом, в рамках рассматриваемой нами междисциплинарной социально-философской концепции познающий социальный субъект, и техносциальная коммуникация, и сетевой социум пребывают в становлении, или режиме индивидуации. В этом случае философия технологий и коммуникации – это философская традиция, которая провозглашает трансдуктивно трансформирующий характер сущего – природного, психического, технического, социального как некоего имманентно-трансцендентного процесса индивидуации. Эта философия фокусируется на коммуникациях, трансформациях, на рекурсивных взаимодействиях, которые разворачиваются во времени (более того они сами это время порождают), а не на статичных и неизменных состояниях и устойчивых субстанциях. Более того, в эту социальную философию врываются концепты контингентности и метастабильности, опосредующие рекурсивный процесс аутопойесиса не только в «системах сознаний», познающих социальных субъектов и постоянно функционирующих техносциальных коммуникациях, но и в самой становящейся метасистеме сетевого социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Общество общества. IV. Дифференциация. М. : Логос : Гнозис, 2006. 320 с.
2. Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition : The Realization of the Living, Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht, 1980. Vol. 42. 171 p.
3. Maturana H. R. Self-consciousness : How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1, № 3. P. 91–102.
4. Morgan C. L. Emergent Evolution. 2-nd ed. L. : Osmania University, 1927. 333 p.
5. Фрике В. В. Социология техники: становление гуманистической парадигмы. Часть I // Социологические исследования. 1993. № 6. С. 123–129.
6. Симондон Ж. Психическая и коллективная индивидуация. М. : ИОИ, 2023. 704 с.
7. Nowotny H. The changing nature of public science // The public nature of science under assault : politics, markets, science and the law. Berlin ; New York : Springer, 2005. P. 1–28.
8. Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2004–2017. Ломоносов – Манизер. Т. 18. 2011. 766 с.
9. Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 232 с.
10. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
11. Morgan C. L. Emergent Evolution. 2-nd ed. L., 1927. 313 p.
12. Аристотель. О благе // Платоновские исследования. Вып. V (2016 / 2) М. ; СПб. : ПФО ; РГГУ ; РХГА, 2016. 308 с.
13. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
14. Ивахненко Е. Н. От аутопойесиса социальной коммуникации к аутопойесису «живых машин» // Феномен коммуникации в познании и творчестве жизни. 2014. С. 42–50.
15. Lee D. The Society of Society : the Grand Finale of Niklas Luhmann // Sociological Theory. 2000. Vol. 18, № 2. P. 320–330.
16. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М. : Весь Мир, 2012. 248 с.
17. Amado G., Antonio J. Introduction à l'œuvre de Niklas Luhmann // Droit et Société. 1989. № 11–12. P. 15–52.
18. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007. 648 с.
19. MacKay D. M. Formal Analysis of Communicative Processes // Non-verbal communication. University Press, 1972. 443 p.
20. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академ. проект, 2000. 880 с.
21. Свирский Я. И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 3 (33). С. 111–125.
22. Соболев Р. Н. Метастабильное состояние магматических систем // Вестник Моск. общества естествоиспытателей. Геологическая серия. 2017. Т. 92, ч. 2. С. 83–89.
23. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Статистическая физика. Ч. 1. М. : Наука, 1976. 584 с.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Саяпин В. О., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии

E-mail:vlad2015@yandex.ru

Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Sayapin V. O., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the History and
Philosophy Department

E-mail:vlad2015@yandex.ru